

Сексотка Люба

Нравы губернских чекистов: по материалам судебного дела

История эта приключилась в Новониколаевске в 1922 году и сохранилась в материалах уголовного дела по обвинению трёх чекистов в служебных преступлениях. Главными действующими лицами этой судебной трагикомедии стали секретная сотрудница Новониколаевского губернского отдела ГПУ Серафима Нащик, начальник агентурного отделения этого же губотдела Иван Жабрев и его помощник Леонид Рубанов.

Работа чекистов по искоренению врагов невиданного в мире государства нового типа с самого начала опиралась на широчайшее использование агентуры. Всем коммунистам были даны строжайшие партийные указания сотрудничать с «органами». Одной из боевых единиц невидимой армии сексотов стала 32-летняя партийка и скромная служащая Новониколаевской жилконторы Сима Нащик, проходившая в чекистских ведомостях как сексот (это сокращение, кстати, было официально принято в ГПУ, а презрительной кличкой **секретных сотрудников** в народе стало позже) Любовь Елистратова. Помимо осведомления о положении на своём рабочем месте «Люба» ещё и выполняла особые задания по слежке за теми или иными подозрительными лицами. Не очень понятно, была ли она психически ущербной личностью, или просто мечтала сделать карьеру на своём тайном поприще — оба эти варианта, кстати, отнюдь не исключают друг друга. Но кашу в Новониколаевском губотделе, где и так хватало интриг и подсиживаний, она заварила изрядную □

Чекистскими делами в Новониколаевске тогда заправляли полномочный представитель ГПУ по всей Сибири Иван Павлуновский и подчинявшийся ему глава губернского отдела ГПУ Алексей Николаев. Они-то и получили в начале 1922 года рапорты нашей героини, в которых утверждалось, что в недрах губотдела существует ни больше ни меньше как контрреволюционная эсеровская группировка, а руководят ей видные местные чекисты Жабрев, Рубанов и кое-кто ещё. Мало того, они, помимо антисоветской работы, ещё и покровительствуют взяточникам □ Встревоженные Павлуновский и Николаев распорядились донос как следует проверить. 30 июня член коллегии губревтрибунала С. Садковский, готовя дело к судебному заседанию, подвёл итоги предварительного расследования.

□ Официально в своей конторе Серафима Нащик занималась учётом жилой площади в городе. Как известно, захолустный Новониколаевск, состоявший из нескольких десятков двухэтажных домов и многих тысяч деревянных однокомнатных лачуг, в одночасье был назначен столицей Сибирского края, и в него из Омска летом 1921 года переехала масса

ответственных работников. Жилищный кризис достиг небывалой остроты. Всех сколько-нибудь имущих домовладельцев принялись безжалостно уплотнять□ Серафима Ивановна обходила частные квартиры на предмет выявления излишков жилплощади и, что не удивительно, часто получала заманчивые предложения от хозяев, не желавших подселения. Сообщив о предлагаемых взятках Леониду Рубанову, она услышала от культурно озабоченного чекиста (учителя по прежней профессии) полное согласие на совместное повышение своего жизненного уровня: «□Хорошо, мы как раз идём в театр сегодня!»

В тот же день Серафима получила от граждан Девяткина и Черниковой два миллиона рублей, из которых половину отдала Рубанову. С Гурбановского, обитавшего на улице Кольцова, 71, она взяла миллион, с жителя Барнаульской улицы Шишкина — 2 пуда муки и пару фунтов мыла, а Сапронов (ул. Семипалатинская, 43) отделался четырьмя аршинами дефицитнейшего ситца. А вот с Пономарёва (Рабочая улица, 73) Нашик планировала взять пять миллионов, «но не получила, по причинам, от нея не зависящим». Рубанов об этом сообщил своему начальнику Жабреву, который велел оставить всё как есть, поскольку считал Серафиму отличной негласной сотрудницей и хорошим товарищем, жившей к тому же бедно и неустроенно. Получив задание от зампреда губчека Порфирия Новицкого проверить благонадёжность жены начальника секретного отдела Евреинова, Жабрев поручил Симе проследить за ней и дать сведения, как о «враждебной личности к Соввласти с целью подорвать авторитет Евреинова и занять его пост». По предварительному заключению Садковского, все обвиняемые (Рубанову, помимо взяток, вменялось также в вину то, что он принимал своих сексотов на частной квартире и давал им задания в присутствии посторонних лиц) дали показания, «вполне согласованные с обстоятельствами данного дела».

В деле оказались подшиты многочисленные рапорты Серафимы, в первом из которых она 15 февраля сообщала, что посетила по заданию своего начальства дом по улице Александровской, 42, где представилась хозяйке дома сестрой одной несчастной дамочки, брошенной мужем-красавцем, который-де ушёл к живущей здесь Елизавете Юдаевой. Елизавета и была женой чекиста Евреинова, под которого подкапывался Жабрев. Серафима легко разговорилась хозяйку и услышанное подробно изложила в своём безграмотном донесении:

«Елизавета Юдаева девушка с высшим образованием, училась в университете, но вот при перевороте была арестована□ и долго сидела в тюрьме здесь, в Новониколаевске, в настоящее время её освободили под расписку без права выезда□ Счастливая судьба улыбнулась ей, следователь, который вёл её дело, влюбился до потери сознания, бросил жену и ребёнка 11 лет, мальчика и зделал ей предложение□ Елизавета Ивановна согласилась, это мне говорила пожилая дама, которая тут же живёт и знает Лизу очень хорошо. Я спросила, неужели она приняла предложение каковато комуниста

бездомного происхождения, так дама ехидно улыбнулась и сказала, (что) с этим уже не приходится считаться □ Жених её блондин, высокий, зовут Серёжа □ ходит в дохе и кожаной фуражке, сейчас тоже в чека каким-то начальником □" На следующий день Нащик сообщила, что на Потанинской, 46 познакомилась с близкой родственницей Юдаевой, которая ей жаловалась, что «наша Лиза вышла замуж за одного из негодяев начальника Секретно оперативного отдела губчека за Евреинова» и «проклинала всю власть и ея обитателей».

Действительно, 26-летний (и поэтому вряд ли имевший 11-летнего сына) бывший телефонист Сергей Алексеевич Евреинов зарекомендовал себя первоклассным живоде́ром и в Симбирске, где в 1918 году «арестовывал симбирскую буржуазию как заложников», и в Алатыре, где занимался «обысками, арестами контрреволюционеров и, порой, расстрелами», и в Омске, где в 1920 году даже заболел «сильным нервным расстройством». Один из коллег осенью 1921 года записал в характеристике, что: «Тов. Евреинов лично принимал участие и проявлял максимум энергии в раскрытии нескольких белогвардейских организаций. Сам лично расстреливал участников в количестве нескольких сотен человек. □Кто думает бросить тень сомнения на таких революционеров, тот враг Революции».

Неутомимая Серафима писала председателю губчека А. Николаеву, что Юдаева якобы собирается в Москву, и делала вывод: «Ясно что (она) член организации. □Я думаю проводить её до Москвы и там арестовать на вокзале, или же что другое □ вот уже месяц я всё знаю и некому дать знать. □У меня во дворе уборная, в левой половине у потолка балка на этой балке будут лежать рапорты в конверте, вы будите посылать за ним в 11 ч. вечера и на это же место положите ответ от вас и ваши распоряжения». На следующий день Серафима доносила уже на Рубанова и Жабрева как участников подпольной эсеровской организации, скрывающих, что приехавший в Новониколаевск В. Ожиганов — «бывший капитан контр. разведчик Колчака □ известный разбойник», занимавшийся тем, что при белых «ездил догонять большевиков и убивал собственными руками».

Сексотка сообщала, что с приходом большевиков к власти она «немедленно поступила» на секретную службу в Особый отдел ВЧК 5-й армии в Красноярске, и «по данному мной материалу капитан разбойник Василий Михайлович Ожиганов был найден в городе Минусинске, где скрывался □ арестован и препровождён в Красноярск». Но вскоре, дескать, сумел втереться в доверие, став сначала сексотом, а потом и начальником агентуры. Последнее сомнительно, поскольку среди новониколаевских чекистов того времени Ожиганов не упоминается. Видимо, он всё же был резидентом, курировавшим группу агентуры, а не официальным работником ГПУ. Ожиганова она встретила на конспиративной квартире, и он заявил «Любе» — дескать, я-то сумел спастись, а вот ты что будешь делать, когда белые вернуться?.. Так или иначе, Жабрев на паническое сообщение Серафимы о прошлом

Ожиганова «халатно смеялся» и рекомендовал не волноваться из-за пустяков.

Вскоре Симу перевели жить в 3-комнатную конспиративную квартиру №4 по улице Барнаульской 56, которая использовалась для явок с агентурой. Туда постоянно наезжали из Москвы, Петрограда, Красноярска и других городов негласные сотрудники, которые говорили пароль и потом жили на этой квартире, пока чекисты приискивали им другое место. Для обслуживания «спецконтингента» выделялись деньги и продукты, а также домработница, которая, видимо, не только готовила, но и надзидала за сексотами. Сима жаловалась, что чекисты зачем-то заменили её старую прислугу («известную жену одного нашего секретного сотрудника») и хотят откомандировать «моего мужа, тоже секретного сотрудника, Булычёва □ чтобы он мне не мешал». Правда, за два месяца до описываемых событий Серафима оставила мужа и осталась одна с четырьмя детьми □ Может быть, из-за этой семейной драмы она потеряла представление о реальности и решила, что явочная квартира организована для сборищ эсеровских заговорщиков во главе с Жабревым и Рубановым □

Жабрев, поручивший Симе следить за Елизаветой Юдиной, подозревая, что «её выпустил Евреинов незаконно», неожиданно сам стал объектом слежки со стороны сумасбродной осведомительницы. Серафима докладывала начальству: «□Надо заметить, что на днях я сделалась любовницей Жабрева □ ухаживая за мной он мне и доверил больше чем следует. (□) Он, дурак, думает, что я правду влюблена в него □ И вот я писала рапорта ложные не так как есть, так что девушку, которую я описала как контрреволюционерку не правда, и всё не правда, я сочинила чтобы угодить Жабреву □ чтобы открыть дальше карты, я сказала и Жабреву и Рубанову, что всё наврала мол и боюсь, чтобы не открылось наружу, они смеялись и успокоили меня □ выдали новые сапоги, до этого я □ просила десять раз и писала, что хожу босиком, и всё отказывали, а тут сразу дали, попросила печь железную, тоже дали, хорошо теперь мне плотят □" Касаясь собранных с домовладельцев подношений, Серафима убеждала начальников, что Жабрев распорядился считать их её премией и патетически восклицала: «Можно (ли) быть под начальством таких негодяев, я так работать не могу □ Сек. сот. Люба».

Почему-то уже после своего признания в провокации она до самого ареста 7 марта 1922 года продолжала посылать вверх бредовые сообщения о «заговорщицкой» деятельности своих непосредственных начальников-чекистов. Может быть, Жабрев чем-то ей не угодил, и сексотка решила его посадить? На суде Серафима подтвердила, что «близкие отношения с Жабревым были сделаны только потому, что я хотела открыть все контрреволюционные действия Жабрева и Рубанова». Была ли она искренна, когда яростно отрицала любовь к Жабреву, из её сумбурных показаний неясно. Сам же чекист, естественно, категорически отрицал, что хотел подсадить Евреинова.

Вызванный как свидетель П. Новицкий подтвердил, что давал указание начальнику агентуры выяснить политическое лицо Юдаевой.

И Жабрев, и Рубанов утверждали, что разрешали Нащик брать взятки только для того, чтобы установить виновность расхитителя Сапронова, умалчивая, отчего же тогда Серафима брала деньги и товары у других домовладельцев и делилась ими с чекистами. Жабрев заявил, что скрыл дело о взяточничестве от начальства для того, чтобы решить его «домашним порядком». Нащик упорно отрицала свою вину, утверждая, что хотела разоблачить контрреволюцию. В деле есть сведения, которые говорят о том, что взятки от Симы получали и некоторые другие чекисты. Когда это стало известно руководству, оно быстро упрятало во внутреннюю тюрьму и сексотку, и обоих её кураторов. Следствие тянулось довольно долго. Обычно чекистов и сексотов судили ведомственным закрытым судом, но в этом случае почему-то передали дело в Новониколаевский губревтрибунал.

Дело в нём слушалось 7 июля без участия обвинителя и защитника. Судьи не установили причастности Жабрева к попытке собрать компромат на Евреинова, и осудили его на четыре месяца заключения за попустительство взяткам. Правда, 30 ноября почему-то срок наказания ему был «снижен» до двух лет. Документы в те годы оформлялись очень небрежно и неясно, четыре года или четыре месяца получил Жабрев. Сам он много лет спустя писал в автобиографии, что в 1923 году (вместо 1922-го) отсидел четыре месяца, хотя на самом деле пробыл в тюрьме как минимум вдвое дольше.

Серафима получила за взятки и ложные доносы два года, а Рубанову отмерили год тюрьмы за участие во взяточничестве. Обоим запретили работать в органах ГПУ в течение пяти лет. Рубанова освободили 6 октября, семь месяцев спустя после ареста, Серафиму же выпустили 3 февраля 1923 года. Об их дальнейшей судьбе данных у меня нет. А вот Иван Андреевич Жабрев в 1923 году был отправлен руководить «органами» в Черепаново — за сотню вёрст от Новониколаевска, где он, по собственному признанию, «пил и был замечен в грубостях», возможно, стараясь таким образом забыть коварную возлюбленную. Ссылка продолжалась недолго — уже год спустя 26-летнему сыщику поручили отдел контрразведки Новониколаевского губотдела ОГПУ, затем он успешно начальствовал в Омске, Бийске, Барнауле и Новосибирске. Жабрев покинул Сибирь только в 1936 году, дослужившись до начальника секретно-политического отдела УНКВД Запсибкрая. Далее Жабрев «работал» в Курске и Москве, а в 1938 году руководил госбезопасностью Каменец-Подольской области на Украине. В положенный срок орденосца и депутата арестовали и за избыточное усердие в массовых репрессиях в феврале 1939 года расстреляли. Реабилитации он не дождался.

Впервые опубликовано в «РОДИНА», 2000, № 9. С. 71–73.